

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 125–130.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 125–130.

Научная статья
УДК 141.113
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_125

ЦЕННОСТЬ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Янушевская Елена Валериевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
yelena.yanushevskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4627-2100>

Аннотация. Оформление мышления в категориях ценности – заметная веха в истории философии. Методологическое значение ценности остаётся, тем не менее, не вполне раскрытым. Один из актуальных вопросов – это, в частности, вопрос о соотношении ценностных теорий и плюрализации познания, начиная с конца XIX в. Для его решения в предлагаемой работе использовались сравнительный и герменевтический методы, в качестве научной базы – работы ряда крупнейших современных историков философии (П. П. Гайдено, Ю. В. Перова и В. Ю. Перова, В. К. Шохина). Как итог в статье отмечается роль, которую в этом процессе сыграли учения, возникшие в неклассической философии: от эстетизма С. Кьеркегора до полионтической онтологии Н. Гартмана. На основе обращения к их философским работам показано, что, благодаря выделению принципа, характерного для ценностной картины мира (все области существования ценны и в равной мере заслуживают быть объектом познания, в том числе в ненаучной форме), к началу XX в. сложились важные предпосылки для расширения представлений о «рациональном». Развитие аксиологии, таким образом, не только способствовало «эмансипации» гуманитарных наук, но и подтолкнуло процесс «реабилитации» венаучных форм познания, а также переход к познавательному и мировоззренческому плюрализму.

Ключевые слова: аксиология, познание, эпистемология, интуиция, современная философия, онтология, плюрализация познания, наука, социогуманитарное познание, ценность, методология науки

Для цитирования: Янушевская Е. В. Ценность и познавательный плюрализм // *Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 125–130.* https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_125.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

A VALUE AND A COGNITIVE PLURALISM

Yelena V. Yanushevskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
yelena.yanushevskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4627-2100>

Abstract. The design of thinking in categories of value is a notable milestone in the history of philosophy. The methodological significance of value remains, however, not fully disclosed. One of the topical issues is, in particular, the question of the correlation of value theories and the pluralization of cognition, since the end of the XIX century. To solve it, the proposed work used comparative and hermeneutic methods, as a scientific basis – the works of a number of major modern historians of philosophy (P. P. Gajdenko, Yu. V. Perov and V. Yu. Perov, V. K. Shohin). As a result, the article notes the role played in this process by the teachings that arose in non-classical philosophy: from the aestheticism of S. Kierkegaard to the polyontic ontology of N. Hartmann. Based on the reference to their philosophical works, it is shown that, thanks to the allocation of the principle characteristic of the value picture of the world (all areas of existence are valuable and equally deserve to be an object of knowledge, including in a non-scientific form), by the beginning of the XX century, important prerequisites for expanding the ideas of the “rational” had developed. The development of axiology, thus, not only contributed to the “emancipation” of the humanities, but also pushed the process of “rehabilitation” of extra-scientific forms of cognition, as well as the transition to cognitive and ideological pluralism.

Keywords: axiology, cognition, epistemology, intuition, modern philosophy, ontology, pluralization of cognition, science, socio-humanitarian cognition, value, methodology of science

For citation: Yanushevskaya Ye. V. A value and a cognitive pluralism. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 125–130. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_125.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Нельзя сказать, что вопрос о значении мышления в категориях ценности для эпистемологии ещё не был поставлен. Напротив, идеи постпозитивистов создали благодатную почву для его обсуждения, хотя, что примечательно, ни один из них не установил соотношение ценности и методологии. Однако рефлексия над основаниями неклассической рациональности невозможна без обсуждения этой связи. И, если мы хотя бы поверхностно обратимся к хронологии основных философских достижений первой половины XX в., пусть даже любая историческая схематизация условна, она окажется показательной. То, что выносится на рассмотрение рядом современных исследователей, а именно, включение ценностей в теоретическое познание (П. П. Гайдено, отмечает, что ценностные ориентации не только участвуют в формировании методологической установки учёного, но и «образуют фундамент этоса науки, который должен усвоить учёный, чтобы успешно заниматься исследованиями» [3, с. 493], отчётливо оформляется уже в первое десятилетие XX в. в связи с проблемой метода в гуманитарных науках. Этот факт заслуживает внимания. Как бы ни приближались к подобной артикуляции внешние значительный вклад в расширение образа познания М. Полани и П. Фейерабенд, понятие ценности – то, что обладает личной значимостью для учёного, – не используется

постпозитивистами в методологическом смысле. Философия науки первой половины – середины XX в. исследует вопросы эпистемологии очевидно в отрыве от того дискуссионного поля, которое оформилось, благодаря сочинениям философов, выявивших специфику мышления в категориях ценности и развивавших методологию гуманитарных наук на рубеже XIX–XX вв. К ним относятся Ф. Ницше, Г. Лотце, Фр. Brentano, В. Виндельбанд, М. Вебер, Н. Гартман, М. Шелер, Г. Гадамер. Особенно стоит отметить работы В. Дильтея, Г. Риккерта, Г. Гадамера – «Построение исторического метода в науках о духе» (1910), «Науки и природе и науки о культуре» (1911), «Истина и метод» (1960). Весьма ограниченно понимающие предназначение языка и ставящие под вопрос осмысленность метафизических проблем сочинения позитивистов написаны существенно позднее: таковы «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна (опубл. в 1921 г.) и статья «Преодоление метафизики логическим анализом языка» К. Карнапа (1930). Кроме того, «ростки» плюралистического мировоззрения, предпосланного онтологией ценности, прорастают в философии значительно раньше публикации обновляющего образ науки трактата «Личностное знание» – 1958 г. Речь идёт о философских учениях Шелера и его последователя Н. Гартмана. Трактат Гартмана «Этика», затрагивающий, в связи с построением ценностной этики, онтологию ценности и особенности ценностно-познавательного отношения к миру, относится к 1925 г.

Коротко говоря, без полемики по поводу онтологии ценностей и её теоретических результатов невозможно представить современную философию.

И, тем не менее, вновь затронутый в контексте образовательных реформ и актуального интереса к истории и философии науки, вопрос о значении аксиологии для формирования современного образа науки отнюдь не исчерпан. Более того, можно с уверенностью сказать, что ни в историческом аспекте, ни в теоретическом он все ещё не достоин того внимания, которое заслуживает. Между тем значимость его очевидна. Не представляя, как, благодаря развитию ценностной рефлексии, философская мысль достигла ряда теоретических результатов в гносеологии, мы не сможем наиболее полно использовать инструменты философского, и шире – гуманитарного, познания, представленные в наше распоряжение аксиологами. Идёт ли речь о современной онтологии, трудно разрешимых проблемах этики, философской антропологии, вопросах, связанных с рефлексией над предельными основаниями культуры, мы так или иначе опираемся на идеи, которыми обогатили философию мыслители, исследовавшие ценность.

Показать, как развитие аксиологии, в частности, повлияло на плюрализацию познания – задача настоящей статьи. Речь пойдёт, во-первых, о том, как философское осмысление ценностей способствовало плюрализации научного познания и формированию неклассической рациональности; во-вторых, как учение о пирамиде ценностей и построение полионтологической онтологии, разработанной Н. Гартманом в 30–50 гг. XX в., предвосхитили идею децентрации культуры и связанное с ней расширение образа познания в постмодернизме.

Основная часть

1. Мышление в категориях ценности, принципы неклассической философии и неклассическая рациональность

Термин «аксиология» появляется в философии в 1903 г. (был введён П. Лапи), по сути, на пике обсуждений специфики бытия и познания ценностей. В то же время понятие ценности в её философском смысле возникает уже в сочинениях Ницше, в главном его философском труде «Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей». Очевидно, что выделение предметного поля аксиологии происходит в непосредственной связи со становлением неклассической философии – в западноевропейском иррационализме во второй половине – конце XIX в. И, что также стоит отметить, почти на полвека ранее её включения в систему философского знания.

Неклассический тип философии, как известно, определяется отказом от рационализма, панлогизма, прогрессизма, системности, характерных для классического периода, и во многом этот процесс обусловлен развитием ряда идей, сформулированных уже И. Кантом. Начиная примерно с середины XIX в., европейская философия перерабатывает его учение в соответствии со своими задачами, не всегда лежавшими в сфере философии науки, и при этом также расширяет образ познающего субъекта, а вместе с ним и представление о структуре познавательного процесса. В трансцендентальном идеализме Канта чёткое разделение субъекта и объекта познания, в частности, заменяется новым типом их связи – конструированием объекта, в котором результат познания предопределяется особенностями субъекта. А. Шопенгауэр, философствуя в новой парадигме, то есть «за пределами» немецкой классической философии и рассуждая о «мире как представлении», отталкивается в том числе от кантовской теории познания. (Философский эклектизм Шопенгауэра П. Гардинер, к примеру, уклончиво называет «эллинизмом», также подчёркивая прямую связь его учения с идеями Канта, выходящими, при их целостном прочтении, за рамки как немецкой классической философии, так и классической философии как таковой [4].) Кьеркегор, также сотрясавший гегелевскую «цитадель рационализма», по сути, мыслит плюралистически, переосмысляя предпринятое Кантом разделение субъекта познания на «эстетического», «теоретического» и «практического». В философии Кьеркегора, как мы помним, личность в её отношении к миру предстаёт в трёх неравноценных типах – «эстетика», «этика» и «рыцаря веры», которые в свою очередь умножаются в соответствующих концептуальных персонажах: таковы Агамемнон, Дон Жуан, соблазнитель Йоханнес, Морское чудовище и ветхозаветный Авраам. Такой способ выражения идей в философской литературе был соотнесен с особенностями философского мышления Ницше [2]. Тем не менее есть все основания понимать подробным образом и названных «персонажей», используемых датским мыслителем в его «диалектической лирике»: Йоханнес и прочие имена – это не просто псевдонимы или литературные герои, это «живые образы» конкретных концептуалов, которыми автор опосредует свои размышления и оценки. Диалектически балансируя в своих сочинениях между утверждением примата эстетического или этического, Кьеркегор обосновывает духовное превосходство рыцаря веры – личности в «абсолютной степени», но при этом остаётся не менее убедительным в своих рассуждениях обо всех типах эстетиков, придав тем самым экзистенциальную значимость и эстетизму и по сути впервые придав эстетическому ценностный смысл. В связи с этими идеями в XX в. происходит расширение представления о рациональности за счёт включения в её образ экзистенциально-духовного и даже обыденного познания. Именно таков образ «неклассического» философа. Это не теоретик, а искатель экзистенциальной истины, понимающий систематизацию как умерщвление и жизни, и знания о ней. Неслучайно «Дон-Жуаном познания» называют Ницше, глубоко и трагически пережившего опыт личного перерождения [14, с. 49–51] и выразившего знание о нем в понятиях дионисийства, «вечного возвращения», «переоценки всех ценностей».

Новый тип философствования породил идеи о человеке, которые вошли в фундамент познавательного отношения к миру в целом. При этом именно в философском процессе второй половины XIX в. приобретает своё собственное философское содержание «ценность», став новым инструментом изучения общества. Происходит это и в тех философиях, которые, на первый взгляд, далеки от ценностной рефлексии. К числу авторов подобных текстов относится, как видим, и Серен Кьеркегор.

«Изобретение» ценности, таким образом, можно назвать неким итогом, на который, в том числе, работал западноевропейский иррационализм в середине XIX в. Можно предположить: проблема ценности в своём ядре (в самом существенном) содержит предпосылки формирования базовых «компонентов» неклассической рациональности. К их числу относятся: взаимозаданность субъекта и объекта познания, выраженная уже Шопенгауэром («Эти половины [...] неразделимы, и каждая из них имеет значение и бытие только через другую и для другой» [15, с. 30]); признание за ценностным отношением к миру познавательной значимости; индивидуализация образа познания. И, наконец, его плюрализация.

Чтобы установить, в чем конкретно проявляется взаимообусловленность этих процессов – развития мышления в категориях ценности и перехода от неклассической рациональности к постнеклассической, рассмотрим, каковы теоретические основания ценностной картины мира.

2. Ценностная картина мира. Плюрализация познания и переход к постнеклассической рациональности

В самом общем смысле ценность понимается как некая значимость, которую субъект сообщает объекту. Это определение – самое простое и при этом самое бессодержательное из всех возможных, хотя и наиболее распространённое. Откуда берётся «значимость» и что она выражает? Возможно, идея ценностного отношения к объекту выражает понимание, что мы не вполне «познаем» объект, если наше знание о нем ограничивается лишь формулировкой его логического понятия. Так ли это?

В процессе развития философской теории ценностей выделился ряд основных вопросов, связанных с философским осмыслением ценности. В приблизительных формулировках можно представить их так.

1. Каково происхождение – источник ценностного познания? Какова роль опыта в формировании «ценностного чувства»?
2. Каков онтологический статус ценности (иначе этот вопрос может быть сформулирован как вопрос об абсолютности или относительности ценностных значимостей)?
3. Каковы принципы построения иерархии ценностей и каковы подходы к разрешению ценностных конфликтов, возникающих вследствие признания за ценностями субстанционального характера?
4. Обладает ли ценность нормативностью и если да, то в чем она выражается?

Формирование и обсуждение этих вопросов разворачивается в предклассический и классический периоды аксиологии, которые связываются с философской деятельностью Ницше, Г. Лотце, Фр. Brentano и затем – баденских неокантианцев, М. Вебера и представителей феноменологической материальной аксиологии (М. Шелер, Н. Гартман).

В научной литературе, стоит отметить, выделяют два подхода к определению начала и периодизации развития аксиологии. В.К. Шохин видит возможность найти предпосылки ценностного познания уже в философии Древнего мира [16]. Однако ряд исследователей (П. П. Гайденок, Ю. В. Перов и В. Ю. Перов, Н. С. Розов) его развитие соотносит с философией Нового времени. Такой подход представляется более обоснованным, поскольку именно новоевропейская история и философия создают необходимый культурно-исторический контекст [3; 9; 11]. Соответственно выделяются несколько этапов развития аксиологии – формирование предпосылок (от Декарта до Канта); предклассический период (Ф. Ницше, Г. Лотце, Ф. Brentano); классический (баденские неокантианцы, М. Вебер, М. Шелер, Н. Гартман) и постклассический – когда проблемы аксиологии начинают обсуждаться в рамках аналитической философии и коммуникативистики. Вопрос, которому посвящена данная статья, не требует углубления в «исторические дела» аксиологии, но все же, чтобы прояснить логику выделения её проблем, необходимо осветить ряд ключевых философских событий.

А. Предклассический период

В предклассический период отметим, в первую очередь, формирование субъективного принципа в философии Декарта и разделение должного и сущего в философии XVIII в. Таковы, если говорить о них предельно сжато, итоги философских построений Спинозы (аффективная природа человека склоняет его оценивать как «зло» то, что мешает удовлетворению его влечений), Дж. Локка (сознание – «чистая доска», на которой опыт оставляет «отметки», формируя представления о должном) и Д. Юма (должное – то, что изначально определяется как «должное», его обоснование никак не связано с налично-данном порядком). Это та платформа, от которой отталкивается Кант, направляя острие своей мысли против атеизма и развивая учение о «безусловных целях» – научно не доказуемых, но безусловно, значимых в гуманистическом смысле – избираемых «ноуменальным индивидом» в качестве духовных ориентиров.

Плюрализация субъекта познания у Канта выражается, в частности, в обособлении эстетического познания. В основе «способности суждения» лежит, как мы помним, принцип «удовольствия – неудовольствия». Таким образом, вместе с учением Паскаля о «порядке сердца», отличным от «порядка разума», кантовская интерпретация эстетического познания предпосылает идею об особой интуиции как иррациональном элементе, приводящем в познание ценности: прекрасное познаётся «без понятия». В морально-логическом идеализме Г. Лотце и Фр. Brentano этому «чувствованию» приписывается объективный смысл: оно не выводится из логических рассуждений, но определяется как свойство трансцендентального субъекта.

Так же, как и философия Канта, важный этап в развитии аксиологии – формулировка ряда идей Ницше. Но представляется необходимым сделать акцент: не только потому, что он впервые употребляет слово «ценность», как было сказано, собственно в философском контексте. Теоретическое значение имеет то, как связаны у него понятия ценности и воли.

Одним из проявлений философии иррационализма является панэстетизм. Невозможность найти рациональные аргументы для обоснования упорядоченности мира (на основе справедливости или иных этических принципов) приводит к поискам его оправдания с эстетической точки зрения. Там, где терпит крушение рационалистический идеал просветителей, там остаётся непоколебимой истина красоты. Но «что такое красота и почему её обожествляют люди»? Тяготение к эстетизму совершенно неслучайно в иррационализме. Апеллируя к интуиции и расширяя само

значение «эстетического», он не отдаляется от кантианского понимания ценностей (безусловных целей), а сближается с ним: некоторая двойственность заложена в самой кантианской мысли. Прекрасное может быть понято как безусловная цель, но постигается оно неким особым способом, отличным от нравственного и теоретического познания, имеющего закономерный характер. Принцип должностования и понятие закона к познанию Прекрасного не применимы.

Субъективация познания, возникшая в философии Канта, развивается в итоге в персонализм, а он подразумевает, что смыслы создаёт не абстрактный субъект, а целостная живая личность. Культурные смыслы, порождаемые «волей к власти», у Ницше получают название ценностей. Ценность, установленная для конкретного исторического момента, проявляет волю сверхчеловека к историческому творчеству. Таким образом, она связывается с персонально-волевым началом, что впоследствии было отождествлено баденскими неокантианцами с релятивизмом.

По сути же у Ницше ценность впервые понимается как продукт человека, который познает, чтобы жить, а не живёт, чтобы познавать. Берущее начало ещё в философии Фейербаха понимание человека (его многомерности, замыкающейся в целое чувством любви – личным, чувственным отношением к другому), объединяясь с иррационализмом, придаёт характерному для немецкой классической философии антропологизму новые смысловые обертона. Я возможно только в качестве Я, устремлённого к своей цели, выступающее из себя навстречу жизни в творческом усилении.

На этом основании с переходом к неклассической философии связывают не только западноевропейский иррационализм, но и марксизм и фрейдизм. Но в первую очередь новое, ценностное, измерение реальности, ещё раз подчеркну, возникает именно в связи с идеями мыслителей, стоявших у истоков философии иррационализма. И самое главное, что было проявлено в иррационализме, – это несводимость познания к «всеобщему и необходимому», требование его индивидуализации и включение в него иррационального элемента: медиумической интуиции (таковы представления Шопенгауэра об основах эстетического познания), веры (на ней основан экзистенциальный способ познания у Кьеркегора), жизненного инстинкта (с ним близка по смыслу ницшеанская «воля к власти»).

Иррационализм, таким образом, высветил факт. Цель «наук о природе» – установление всеобщих законов на основе верификации (в силу принципиальной воспроизводимости внешнего опыта). Однако на уровне сознания возможен уникальный невоспроизводимый опыт – к примеру, вера, движимая силой абсурда, творческий экстаз, опыт любви и т. п. Это тот опыт, который не верифицируем в принципе: его не сделать объектом коммуникации без содержательных потерь. Подобный опыт не вписывается в закономерность, но, тем не менее, существует, и его невыразимость и необъяснимость не означает его невозможность. Соответственно мы не можем игнорировать знание о мире, не поддающееся выражению в терминах экспериментальной науки, ведь за ним стоит то, что составляет самую существенную связь человека и с миром, и с самим собой.

В. Классический период

Далее с конца XIX в. до 30-х гг. XX в. продлился классический период, отмеченный попытками найти более адекватное определение ценности, нежели «абсолютно субъективной» или «абсолютно объективной». С решением этой проблемы связана полемика между баденскими неокантианцами (ценности – абсолютны и нормативны) и философией жизни (ценности имеют личностный источник и историчны по своей сути).

Базируясь, с одной стороны, на феноменологии Э. Гуссерля; с другой стороны, в обход сформулированной в неокантианстве оппозиции абсолютизма – релятивизма, феноменологическая материальная аксиология, или объективистская аксиология, М. Шелера и Н. Гартмана удачно синтезирует идеи своих предшественников и создаёт концепцию, разрешающую названные теоретические противоречия. Отчасти их позицию напоминает подход М. Вебера. Обращаясь к ценности для объяснения социального действия, Вебер приходит к выводу: ценности не имеют абсолютно смысла, но они объективны в том смысле, что в культурную реальность включаются не случайно, а исходя из объективной исторической необходимости.

По способу бытия ценности объективны, но познаются не чисто интеллектуально, а с помощью особой, эмоционально окрашенной, интуиции и, будучи познанными, должны реализоваться в поступках. В этом проявляется их специфичность по отношению к платоновским эйдосам и дуальность их бытия. Связанный с учением Г. Лотце «эмоциональный интуитивизм» Шелера и Гартмана подразумевает не психологическую детерминацию ценностного выбора, а способность к особому, интуитивному и одновременно объективному, пониманию, вырастающему, подобно идее Бога, из целостного духовного опыта. Каждая ценность, иными словами, может быть познана трансцендентальным субъектом познания: ценности объективны именно в феноменологическом понимании объективности, и это является ключевой идеей для этой школы. От Ницше в данном случае явно воспринято следующее: ценность не только познаётся спекулятивно, она переживается как неотделимая от личности (подобно воле, укоренённой в инстинкте жизни). Личное познание, ценностный выбор и соответствующий поступок символизирует момент ценностного познания. Будучи познанной, ценность как бы соединяет две реальности – идеальную и материальную, в которой действует носитель ценностей.

Вслед за Э. фон Гартманом Шелер первым выстраивает пирамиду ценностей – включая конкретное эмпирическое наполнение в теорию ценностей, без которого она остаётся бессодержательной. Принцип построения пирамиды ценностей у Шелера и Гартмана существенно не отличается: в основе – утилитарные, на высших позициях – этические, эстетические и священное у Шелера; у Гартмана – царство ценностей (принципиально открытое) устремляется к ценности альтруизма [6]. Принцип позиционирования в иерархии, которую, по сути, представляет пирамида, таков: чем реже ценность познаётся (и соответственно реже реализуется), тем выше её место в иерархии.

Как следствие, рефлексия над проблемой бытия ценностей приводит Гартмана к созданию принципиально новой концепции онтологии – полионтической, согласно которой существует несколько измерений (слоёв) реальности, и каждое из них в равной мере представляет собой ценность. Всего он выделяет четыре слоя, при этом один относится к материальной реальности, остальные три – к феноменологически идеальной (таково бытие ценностей, математических законов и философских принципов) [5]. Можно заметить, что кантовское учение о множественности субъекта познания получает у Гартмана одно из своих наиболее интересных, с философской точки зрения, продолжений – от утверждения множественности объектов «ценения», соответствующих духовной, истинной, нравственной, эстетической сферам познания, к онтологии множественной реальности. И, что показательно, именно на основании разделения, предпринятого Кантом, философия впоследствии развивалась от идеи реальности единственного неизменного мира к идее множества миров, хотя сам Кант, разумеется, отстаивая ньютоновскую науку своей эпохи

и исходя из учения о якобы абсолютных формах, помещённых в человеческом суждении, также постулировал монистический идеал единства. Мир, воссоздаваемый в акте трансцендентального познания, считал он, стремится к единству, разделяемому всеми.

Выводы

Нельзя сказать, что все перечисленное – заслуга исключительно философских школ, сконцентрированных на проблеме ценности и методологии гуманитарных наук, как-то, философии жизни, баденского неокантианства, экзистенциализма. Но даже беглый исторический обзор классической аксиологии даёт основания утверждать её взаимосвязь с развитием методологии гуманитарных наук и плюрализацией познания (признанием множество различных равноправных, независимых и несводимых друг к другу его видов и форм).

Наконец, можно сделать несколько обобщений.

Во-первых. Выстроенная в рамках феноменологической материальной аксиологии, хотя и не самая широко известная теория содержит осмысление ряда ключевых проблем, к решению которых, в конце концов, подошла философия в XX в., а вместе с ней и философия науки. Это и обновление принципов онтологии, и вопросы нравственного познания (построение ценностной этики), и оригинальная антропология (с именем Шелера связано развитие философской антропологии как таковой).

Во-вторых. Философское изучение ценности способствовало усложнению понимания субъект-объектных отношений – включению в эту связь особенного чувства, ценностной интуиции, трактуемой не как психологический фактор, связанный с опытом, а в качестве особой познавательной способности. Переход к мышлению в категориях ценности также способствовал и расширению познавательного поля: все, что существует, обладает ценностью и может стать источником нового знания. Подобное видение сделало возможной реабилитацию венаучных форм познания и в связи с ней – культурный и мировоззренческий плюрализм. В частности, с одной стороны, имеющая непосредственную связь с перспективизмом ницшеанской философии и получившая развитие в постмодернизме (возможность разных оценок и точек зрения на один и тот же объект, предпосылаемая множественностью субъекта познания и принципиальной незавершённости познания).

В-третьих. Познавательный плюрализм – важная предпосылка формирования постнеклассической рациональности, предельно расширяющей представления о познании вплоть до стирания границы между гуманитарной наукой и точным знанием. (При всей множественности истолкования научной истины и выделении нескольких идеалов научности [8], эта граница оставалась актуальной для рациональности неклассического типа).

В заключение остановимся подробнее на ещё одном значимом в контексте данного размышления вопросе. Оказало ли ценностное познание влияние на формирование образа науки в постмодернизме? В частности, есть ли основания связывать школу феноменологической материальной аксиологии напрямую с постмодернизмом? Скорее, нет. Царство ценностей, о котором пишут Шелер и Гартман, представляет собой целостную иерархическую структуру: она многомерна и не несёт репрессивного смысла, но при этом феноменологически объективна. А такой подход не сводим к методологическим установкам постмодернистов.

Тем не менее, вчитаемся в следующие фрагменты: «Личностная причастность познающего субъекта тому процессу познания, которому онверяет себя, осуществляется в порыве страсти. Мы осознаем интеллектуальную красоту как ориентир для открытий и как признак истинности» [10, с. 298]; «Запомним хотя бы то, что имеется много способов бытия-в мире, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки, и что все они нужны для того, чтобы сделать нас людьми в полном смысле этого слова и решить проблемы нашего совместного существования в этом мире» [13, с. 450].

«Порыв страсти», «интеллектуальная красота как признак истинности»... Не напоминают ли они, не только интонационно, нам ряд заявлений, сделанных Р. Бартом в статье «От науки к литературе»? Статья, напомню, развенчивает «патерналистский» ореол науки, уравнивая её искусством – с литературой. Бартовская интенция прочитывается и во втором тексте 1975 г., принадлежащем П. Фейерабенду. Мы читаем призыв, который вполне мог бы быть выражен и Н. Гартманом. Рассуждая об ангажированном характере современной науки, Фейерабенд приходит к эпохальному «Наука – миф XX в.», отнюдь не в русле полионтических построений. Но тут уместно высказать следующее допущение.

Идейная перекличка современников или преемственность традиции – два очевидных пути развития философий, сыгравших значимую роль в интеллектуальной истории Европы. При этом обратимся ли мы к развитию науки или культуры в целом, нельзя не уловить и неявное влияние учений, которые, даже оставаясь относительно периферийными для конкретного исторического периода, формировали дух времени, его идейный климат. Такой парадигмальный вклад не является «близкодействующим», но его не сбросить со счетов. И если очевидной представляется концептуальная связь через века, допустим, между Августином, Паскалем и экзистенциалистами, то познание, ориентированное на утверждение многомерности мира в акте придания ценности самым разным его измерениям, тем более не должно исключаться из теорий, придавших современному общественно-политическому и культурному сознанию ту форму, в которой оно существует. Плюрализм, поднятый на знамёна постмодернистами, формировался на разных путях концептуального творчества, а перекличка идей в самых разных дискурсах прошлого века, говорит сама за себя.

Как итог, сегодня о разных видах и формах познания пишут как о чем-то само собой разумеющемся. Ярким примером тенденции к предельной плюрализации познания в конце XX в., совпавшей с пиком распространения постмодернизма, можно, кстати, назвать и идеи Ю. А. Урманцева, тем более репрезентативные, что Урманцев не являлся профессиональным философом-эпистемологом. Кроме того, автор цитируемого фрагмента вряд ли был сознательным апологетом постмодернизма – скорее, отразил общефилософский итог переосмысления возможностей познания в XX в.: «Я пришёл к выводу о недостаточности двух форм познания – чувственной и рациональной, выделенных классической западной гносеологией, и двух связанных с ними сигнальных систем, выделенных физиологами высшей нервной деятельности школы И. П. Павлова для адекватного выражения природы и функционирования музыки, что, в свою очередь, привело к идее о трёх, а в общем случае о множестве ($n > 3$) форм постижения бытия» [12, с. 89].

Далее Ю. А. Урманцев выделяет не только научные, философские, художественные, религиозные, мифологические, но и народные, эзотерические и экзотерические, парапсихологические (экстрасенсорные) формы познания.

Подобные коррективы базовых характеристик «разума», и в философии, и в более широком познавательном контексте, связаны в том числе с переклещением внимания на практическую сторону жизни в марксизме, с пересмотром соотношения рационального и иррационального начал в личности человека З. Фрейдом, с обновленным

пониманием жизни как единой реальности, неделимой на материальное и идеальное в рациовитализме. Философия, обладающая специфической по отношению к точным наукам рациональностью, также находит основание для утверждения своей самоценности после периода «засилья» физикализма. Как следствие, происходит возвращение к метафизике и её концептуальное обновление, начиная с М. Хайдеггера. Воображение не только переоценивается в ряду познавательных способностей (именно в связи с плюрализацией познания), но и приобретает онтологический статус. (К примеру, в статье, опубликованной не так давно, Ю. В. Дунаев подводит нас к «философской легитимации онтологического статуса языка тропов, символов и концептов наряду с языком рассудочных категорий и нравственных императивов» [7, с. 15].)

Идеал познания, наконец, перестаёт соотноситься исключительно с экспериментальным естествознанием, а признание за миром качеств постоянного изменения и принципиальной незавершенности, очевидно, согласуется с осознанием его многомерной сложности в философии ценностей.

Список литературы

1. Барт, Р. От науки к литературе / Р. Барт // Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 229–232.
2. Визгин, В. П. Ницше глазами Делеза / В. П. Визгин // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 47–48.
3. Гайденко, П. П. Научная рациональность и философский разум. Познание и ценности / П. П. Гайденко. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – Гл. 4. – 528 с.
4. Гардинер, П. Артур Шопенгауэр. Философ германского эллинизма / П. Гардинер. – Москва : Центрполиграф, 2003. – 414 с.
5. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман ; под ред. Д. В. Складнева. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 640 с.
6. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – С. 83–695.
7. Дунаев, В. В. Онтология и поэтика способности воображения / В. В. Дунаев // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 15–24.
8. Кезин, А. В. Идеалы научности и паранаука / А. В. Кезин // Научные и внеаучные формы мышления. – Москва : ИФ РАН, 1996. – С. 153–168.
9. Перов, Ю. В. Философия ценностей и ценностная этика / Ю. В. Перов, В. Ю. Перов // Гартман Н. Этика. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – С. 5–82.
10. Полани, М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / М. Полани. – Москва : Прогресс, 1985. – 344 с.
11. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск : Новосибирский ун-т, 1998. – 292 с.
12. Урманцев, Ю. А. О формах постижения бытия / Ю. А. Урманцев // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 89–106.
13. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – Москва, 1986. – Ч. 3. – С. 125–467. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4758> (дата обращения: 27.11.2021).
14. Шестов, Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) / Л. Шестов. – Москва : Грааль, 2001. – 159 с.
15. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – Минск : Попурри, 1998. – 688 с.
16. Шохин, В. К. Аксиология / В. К. Шохин // Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – Москва : Гардарики, 2001. – С. 17–20.

References

1. Bart, R. Ot nauki k literature [From science to literature]. *Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow: Progress; 1989, pp. 229–232.
2. Vizgin, V. P. Nicshe glazami Deleza [Nietzsche through Deleuze's eyes]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1993, no. 4, pp. 47–48.
3. Gajdenko, P. P. *Nauchnaja racionalnost i filosofskij rozum. Poznanie i cennosti* [Scientific rationality and philosophical reason. Knowledge and values]. Moscow: Progress-Tradicija; 2003, chapter 4, 528 p.
4. Gardiner, P. *Artur Shopenhaujer. Filosof germanskogo jellinizma* [Arthur Schopenhauer. Philosopher of Germanic Hellenism]. Moscow: Centrpoligraf; 2003, 414 p.
5. Gartman, N. *K osnovopolozheniju ontologii* [On the basis of ontology]. Ed. by D. V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka; 2003, 640 p.
6. Gartman, N. *Jetika* [Ethics]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2002, pp. 83–695.
7. Dunaev, V. V. *Ontologija i poetika sposobnosti voobrazhenija* [Ontology and poetics of the imagination]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2013, no. 11, pp. 7–24.
8. Kezin, A. V. *Idealy nauchnosti i paranauka* [Ideals of scientificity and parascience]. *Nauchnye i vneauchnye formy myshlenija* [Scientific and non-scientific forms of thinking]. Moscow: IF RAN; 1996, pp. 153–168.
9. Perov, Ju. V., Perov, V. Ju. *Filosofija cennostej i cennostnaja jetika* [Philosophy of values and value ethics]. *Gartman N. Jetika* [Ethics]. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2002, pp. 5–92.
10. Polani, M. *Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy]. Moscow: Progress; 1985, 344 p.
11. Rozov, N. S. *Cennosti v problemnom mire: filosofskie osnovanija i social'nye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii* [Values in a problematic world: Philosophical foundations and social applications of constructive axiology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University; 1998, 292 p.
12. Urmancev, Ju. A. *O formah postizhenija bytija* [On the forms of comprehension of being]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1993, no. 4, pp. 89–106.
13. Fejerabend, P. *Protiv metoda. Oчерk anarhistskoj teorii poznaniya* [Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge]. *Fejerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow: 1986, part 3, pp. 125–467. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4758> (accessed: 27.11.2021).
14. Shestov L. *Dostoevskij i Nicshe (Filosofija tragedii)* [Dostoevsky and Nietzsche (Philosophy of tragedy)]. Moscow: Graal; 2001, 159 p.
15. Shopenhaujer A. *Mir kak volja i predstavlenie* [The world as will and representation]. Minsk: Popurri; 1998, 688 p.
16. Shohin V. K. *Aksiologija* [Axiology]. *Jetika: Jenciklopedicheskij slovar* [Ethics: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki; 2001, pp. 17–20.

Информация об авторе

Янушевская Е. В. – кандидат философских наук.

Information about the author

Yanushevskaya Y. V. – Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.